

УДК 821.161.1

*Е.Ю. Куликова***СЮЖЕТНО-МОТИВНЫЕ КОМПЛЕКСЫ БАЛЛАДЫ АКМЕИЗМА**

Рассматриваются сюжетно-мотивные комплексы баллады акмеизма: представлена классификация балладных сюжетов и мотивов, выделено несколько групп «акмеистических» баллад – фантастические, новеллистические, экзотические, исторические и нек. др. Балладные мотивы и сюжеты обработаны акмеистами в соответствии с их творческим «кодексом». Баллады акмеистов открывают часть поэтического мира Серебряного века, неся в себе и традиционные элементы жанра, и черты модернизма. Трансформация баллады в творчестве Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Кузмина, И. Одоевцевой, Г. Иванова, Вс. Рождественского и О. Мандельштама демонстрирует особенности стихотворного рельефа акмеистов. Для классификации были выбраны стихотворения поэтов, представляющих направление достаточно полно, хотя их творчество было рассмотрено не только в рамках Серебряного века. В подборке представлены как «чистые» баллады, так и стихотворения балладного типа, в которых отчетливо проступают «балладные» мотивы и образы.

Ключевые слова: баллада, балладность, акмеизм, мотив, сюжет, сюжетно-мотивный комплекс.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-551-563

Век модернизма и авангарда превращает любой жанр в метафору его самого, в метажанр, содержание которого непрерывно изменяется и усложняется, и открывается возможность многоуровневого прочтения текста. Ю.Н. Тынянов писал, что «давать статическое определение жанра, которое покрывало бы все явления жанра, невозможно: жанр смещается» [27, с. 256]. Одним из наиболее востребованных и в то же время претерпевших метаморфозы жанров становится баллада. Возможно, обращение к данному жанру объясняется и тем, что он содержит в себе лирическое, эпическое и драматическое начала, и тем, что на его структуру повлияли сказка, легенда, элегия, романс и др.

Баллады разнообразны и неоднородны: «англосаксонские баллады всегда представляют собой рассказы о событиях, немецкие баллады – часто тоже, французские же баллады – почти никогда» [28, с. 112]. Если немецкие и английские баллады узнаются по сюжету, наполненному мистикой и таинственностью, по драматическим, зачастую необъяснимым рационально событиям с элементами диалога, то французские баллады сюжетно охарактеризовать невозможно: главным образом, это определенная стихотворная форма, включающая три строфы на одинаковые рифмы (*ababbcc* для семи-строчной, *Ababbcbc* или *ababccdd* для восьмистрочной, *ababbccddcd* для десятистрочной строфы) с рефреном в конце строфы. В XV в. появляется тяготение к квадратной строфе: восемь восьмисложников или десять десятисложников. С конца XIV в. баллада обычно завершается полустрофой-«посылкой», которая чаще всего начинается со слова «Prince» (или «Princesse»).

Жанр баллады, сформированный в XIX в. благодаря В. Жуковскому и его переводам, точнее, переложениям и подражаниям из И.В. Гете и Ф. Шиллера, уже во второй половине XIX в. обновляется за счет прозаизации поэтического стиля и проникновения в поэзию разговорного языка. Однако в конце века поэзия начинает тяготеть к малым лирическим формам, и баллада становится одним из немногих «выживших» жанров. Жанр «не утратил своего значения», не потерял «памяти» (М.М. Бахтин), «инерции» (С.С. Аверинцев). Деканонизация, обновление и реставрация жанра – вот то, что вносит «некалендарный, настоящий двадцатый век».

В творчестве А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Кузмина, а также младших «акмеистов» И. Одоевцевой, Г. Иванова и Вс. Рождественского, участвовавших в петроградском «Цехе поэтов», неоднократно встречаются баллады: баллада для акмеистов – важная часть их художественного космоса, она вносит нарратологический оттенок во многие сугубо лирические тексты, заставляет поэзию звучать иначе, предметы и вещи оживают и наделяются собственным, порой ирреальным, бытием.

Баллада, как народная, так и литературная, достаточно четко определяет систему мотивов и образов, конкретных сюжетов и коллизий, вокруг которых строится повествование:

1. трагическая гибель героя на войне (как вариант: в сражении с соперником) и возвращение его призрака/мертвеца домой к матери (невесте);
2. конфликт между семьями героев, из-за которого гибнут влюбленные;

3. смерть героя (героини) вследствие вероломства и предательства;
 4. пленение героя (героини), побег из плена;
 5. гибель героини от руки героя, за которого она не хочет выйти замуж;
 6. самоубийство героини (героя) из-за невозможности соединения с возлюбленным (возлюбленной) (иногда мать героя является виновницей – подстрекательницей);
 7. трагический конфликт между мужем и женой, в котором жена гибнет от руки мужа;
 8. гибель героини в результате чрезмерной опеки брата, выступающего против ее возлюбленного;
 9. отравление брата сестрой, иногда сестра убивает брата по ошибке;
 10. мотив инцеста
- и нек. другие.

Также можно отметить мотивы, связанные с метаморфозами героев (превращение героя в сокола, ворона, волка, героини – в тростник, рябину, звезду).

Особенно актуальными в литературной балладе XIX-XX вв. становятся сюжеты о мертвом женихе и о мертвой невесте – как обобщенная вариация сюжетов гибели и возвращения героя, погубленной невесты и т.д. Кроме того, выявляется много частных мотивов-вариаций на традиционные балладные сюжеты: двоимирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие; смерть героя/поэта/музыканта/властителя/укротителя/влюбленного; властитель, сеющий смерть; невеста-жертва/гибель девы/царицы; жертва-жених/убитый брат/жертва-ребенок; убийство из мести; смерть как жуткая вечность/страшный иной мир/«тайны гроба»; встреча с возлюбленным во сне; превращение героини/героя в статую/камень, мотивы двойничества и др.

Для классификации были взяты баллады и балладные тексты А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Кузмина, И. Одоевцевой, Г. Иванова и Вс. Рождественского как наиболее ярких представителей акмеизма и вместе с тем в поздние годы ушедших в новое пространство, которое невозможно очертить рамками одного направления. Однако общее – то, что объединяет творчество данных авторов, – позволяет судить о трансформации жанра баллады в начале XX в. Балладные мотивы и сюжеты обработаны акмеистами в соответствии с их творческим «кодексом». Баллады акмеистов открывают часть поэтического мира Серебряного века, неся в себе и традиционные элементы жанра, и черты модернизма. Трансформация баллады в творчестве Н. Гумилева, А. Ахматовой, М. Кузмина, И. Одоевцевой, Г. Иванова и О. Мандельштама демонстрирует особенности стихотворного рельефа акмеистов. Было интересно не только обнаружить и выявить закономерности трансформации и модификации баллады акмеистов, но и выделить общие черты, присущие текстам рассматриваемых авторов.

Эволюция баллады в русской поэзии начала XX в., по мнению А.А. Боровской, объясняется преобладанием того или иного родового начала, модификация жанра заключается в том, что присутствуют «сдвиги в сюжетостроении, появление «я»-повествования (ролевые и лирические баллады), наделение «реального другого» речевой «самостью» (интерсубъектные и инсубъектные баллады), усиление роли лирических отступлений, актуализация подтекста, иронический модус высказывания, пародирование и обыгрывание традиционных сюжетных схем... Трансформация самой балладной формы (стилевая многослойность, профетизм, отказ от благозвучности ритмической речи (использование разложенного стиха), актуализация межтекстовых связей)» [5, с. 7].

Трансформация жанра баллады реализуется в перемещении, перераспределении жанровых признаков, при этом наиболее типичные иногда уходят на второй план, однако в данном случае важно не количество жанровых признаков, а, чаще всего, наоборот, его минимум¹. Например, лишь прямое указание автора на жанр предполагает отнесение стихотворения к жанру баллады (две «Баллады» Н. Гумилева, «Новогодняя баллада» А. Ахматовой, «Баллада о Гумилеве» И. Одоевцевой, «Баллада о горlinkах» О. Мандельштама и др.), «понятие о жанре не меняется, изменяется представление о роли тех или иных элементов структуры» [24, с. 161].

Трансформация и модификация жанра баллады дала нам понятия балладного стихотворения и балладности². Главная отличительная особенность балладного стихотворения – сюжетность. Для балладных стихотворений и балладности на уровне формы характерно заимствование / применение традиций и особенностей жанра (размер, рифма, рифмовка, строфика и т.п.) и композиции. На сюжетном уровне включение балладных элементов происходит в виде отсылок, переключек, образов,

¹ См. об этом: [26, с. 17].

² Термин «балладность» появляется в Лермонтовской энциклопедии, более подробно см.: [21], [22, с. 3-21].

сюжетных схем, мотивов и лейтмотивов, используется особая «балладная» поэтика, организация времени и пространства.

Для балладного стихотворения характерно ослабление таких жанрообразующих его элементов, как конфликт, категория чудесного происшествия, мотив судьбы, хронотоп и балладный герой. Балладное стихотворение – это внутреннее изменение жанра, его структурных элементов.

Балладность же стихотворения проявляется в общей лиризации, в ослаблении эпической составляющей: на первый план выходит монологическая речь. К признакам балладности относится особое сочетание фантастического и психологического повествования, использование традиционных балладных мотивов и образов, трансформированным и модифицированным. Балладность касается внешней структуры текста, ориентируется на отсылки, аллюзии, «ощущение» жанра и т.п. Стихотворения балладного типа акмеистов помимо общей принадлежности к течению имеют свои особенности, тематическую направленность.

О балладах начала XX в. Гумилев пишет, что это «стихи психологического содержания, соприкасающиеся с нынешними культурно-философскими направлениями мысли, как русскими, так и иностранными» [8, с. 271]. Для баллад самого Гумилева характерны условность и четко обозначенная сюжетность повествования, особая атмосфера таинственности, сказочности, мистики, цикличность времени. Время превращается в вечность, растворяется в бытии, смерть становится одним из элементов вечности. Персонажами могут быть гномы, воины, конквистадоры, чудовища, царицы, мифологические герои и т.д. Действие часто происходит во дворце, в сказочной/мифологической стране, на поле боя и т.д. В поздних балладах Гумилева реальное и ирреальное пространства обозначены, но порой они не имеют четких границ, очертания миров маркируются определенными признаками (например, память/воспоминание/мечта о будущем/сон), архитектурными образами (город/ колонны/площади/маскарадное действо и др.).

Л.Я. Бобрицких указывает, что «наибольшее количество балладных стихотворений Гумилева посвящено теме любви» [3, с. 149], но лишь некоторые из распространенных мотивов присутствуют у него: предпочтение смерти жизни с нелюбимым, мотив бегства влюбленных, мотив предвидения своей смерти (данный мотив стал появляться в балладах XX в.) и др. В творчестве Гумилева есть тексты, которые названы прямо по жанровому признаку: «Баллада» («Влюбленные, чья грусть, как облака...») (1910), «Баллада» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...») (1918), «Загробное мщение. Баллада» (1918). Но если первая имитирует «правильные» провансальские баллады, то другие баллады Гумилева несут на себе сюжетные признаки жанра. Мистический сюжет создается за счет вмешательства таинственных сил, все действие сосредоточено практически на одном эпизоде, повествование начинается внезапно³. Также можно отметить объективность повествования и – в некоторых случаях – «моралистический» итог.

«Баллады Н. Гумилева нередко называют “экзотическими”, выявляя генетические связи их “бутафорства” с французской поэзией эпохи романтизма и его завершения в “парнасской” поэзии» [6, с. 199]. На рубеже веков (как XVIII–XIX, так и XIX–XX) в искусстве наиболее востребованной становится “экзотическая” тематика, которая во многом пришла к русским авторам через творчество поэтов и философов Франции. «Модернизм был эпохой повального увлечения экзотикой» [7, с. 14], отмечает Л. Геллер.

«Другим источником балладного мира Гумилева принято считать “колонизаторский” романтизм Р. Кипплинга... Наконец, нельзя не вспомнить в связи с этой проблемой влияние английских романтиков “озерной школы” (Р. Стаути, У. Вордсворта, С. Кольриджа)... Поэт-акмеист практически отказывается от сюжета так называемых “страшных”, готических баллад, пришедших в русскую литературу из немецкого романтизма и занимающих свою нишу в творчестве русских романтиков (В. Жуковский, Н. Карамзин) и символистов (В. Брюсов), что обусловлено “адамистской” концепцией, согласно которой окружающий мир создается в процессе обретения “девственных” наименований» [6, с. 200]. Полностью согласиться с этим мнением нельзя, так как фантастическое начало с готическими акцентами присутствует в балладах Гумилева («Ужас», «За гробом», «Крыса», «Загробное мщение» и нек. др.).

По мнению исследовательницы, Гумилев использует два типа пространства – экзотическое (условно-абстрактное) и онейрическое [6, с. 200]. В данных балладах, как правило, акцентировано повествовательное (а в какой-то мере и новеллистическое) начало. Кроме того, Гумилев использует дра-

³ См. об этом, напр.: [16; 20].

матические эффекты, в частности, некоторую театрализацию образов и жестов. Между тем два пространства в балладах Гумилева – мистическое и экзотическое – оказываются максимально сближенными: одно воздействует на другое, становясь то фоном, то определяя особенности топоса.

Сюжет баллады XX в. становится новеллистичным в том числе и за счет жанрового взаимодействия: например, баллада может быть вставлена в цикл стихов, как это делает М. Кузмин в поэме «Форель разбивает лед». Сочетание нескольких жанров в одном тексте, как отмечает С. Аверинцев, «подчеркивает грань между видовыми формами... а признаки двух видов могут сосуществовать только за счет того, что ни один, ни другой вид в полноте и чистоте своей "сущности"» [1, с. 8] не выступает. Кузмин часто обращался к жанру баллады и, хотя нельзя говорить о явной «балладной» части его творчества, тем не менее балладные мотивы, безусловно, являются важными в его поэтическом мире, как и в творчестве.

В поэтическом наследии Ахматовой можно обнаружить не одно произведение, которое, оставаясь в рамках жанра лирического стихотворения, несет в себе балладное начало. Особенно характерно наличие балладности в ранней лирике Ахматовой, когда сюжет практически каждого текста, тяготея к новеллистичности, становится маленьким драматическим рассказом, обязательно с элементами диалога и трагической развязкой. Наряду с мистическими балладами, у Ахматовой много так называемых «психологических» баллад, конфликт в которых основан не на фантастических событиях, а на напряженных взаимоотношениях героев, на неожиданных поворотах и поистине романских перипетиях, которые она вводит в свою лирику. Однако «поздняя» Ахматова почти уходит от подобных остросюжетных линий, лиризм в ее текстах преобладает, но балладный налет с элементами мистики проявляется почти постоянно⁴.

XX век вообще оказался богатым на создание баллад и их вариаций, но чаще это была гумилевская, «героическая» линия, по-своему прозвучавшая у Н. Тихонова и, например, поэтов-бардов: В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Б. Гребенщикова и др. Ахматовская линия была обыграна у Е. Рейна, «соединение чудесного с обыденностью» в лирике поэтов конца XX в. (О. Седаковой, Е. Шварц) идет от Ахматовой. Между тем именно из этого рождается ахматовская баллада, отчасти ранняя, безусловно, поздняя, – баллада, прочно слившаяся с лирическим стихотворением, но основанная на сюжетике и мотивике романтического канона.

Черты балладности обнаруживаются и в творчестве Мандельштама, однако они отличаются от творчества Ахматовой и Гумилева как формально, так и содержательно, тем более что баллад в традиционном понимании жанра поэт не писал. Некоторые лирические сюжеты стихотворений Мандельштама откровенно замкнуты на классические черты немецкой (И.В. Гете, Ф. Шиллер, Ф. Шуберт) или – после В. А. Жуковского, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова – можно сказать, и русской баллады XIX в. Отчетливо жанрово обозначенных баллад в творчестве Мандельштама нет, но балладная тематика присутствует во многих его «немецких» текстах⁵. Исключительность балладных стихотворений Мандельштама заключается в сближении искусства и бытия, видении искусства как живого организма, особом соотношении явлений жизни человеческой и природы. Подобный органицизм проявляется в слове поэта, которое становится частью организма – поэтического произведения. Слово как организм реализуется в поэзии Мандельштама в виде метафоры и является самой тканью стихотворения.

В.М. Жирмунский пишет, что Шуберт представляет для Мандельштама «музыкальную стихию немецкого романтизма» [9, с. 139]. Мандельштам, по мнению Г. Киршбаума, ««вживается» в романтическую стихию, синтезируя мотивы и образы шубертовских песен в один метасюжет» [15, с. 112], а в самом слове поэт аккумулирует культурный, в данном случае, яркий балладный контекст. Мандельштам будто играет образами, метафорами не только музыкальными, но и литературными (например, в стихотворении «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» отзывается «Лесной Царь» Гете и перевод Жуковского; шум мельницы ассоциируется не только с песней Шуберта на стихи В. Мюллера «Прекрасная мельничиха», но и с «Русалкой» Пушкина, а образ двойника отсылает к двойникам Гофмана, Анненского и Блока).

Размышляя о «физиологии готики» и «организме», Мандельштам уподобляет литературно-художественное произведение архитектуре и развивает идею «гармонии между целым и частями» и

⁴ См. об этом: [19].

⁵ О балладном начале в стихотворении Мандельштама «На высоком перевале» см.: [18].

проблему «единства». Готичность и балладность в некоторых случаях оказываются взаимосвязанными (см. уже упоминавшееся стихотворение «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...» и нек. др.), поскольку в классической балладе особенно ярко проступает готическая традиция романов средневековья (см. комплекс мотивов: стремительный бег коней ночью, дождь, ветер, столкновение с потусторонним миром, ощущение страха, ужаса, которые создает природа). Архитектурная метафора в сочетании с отсылками к готике у Мандельштама может выглядеть как балладная черта.

Одоевцева «начала с “баллад”, жанра, ставшего в ранние советские годы сразу популярным: нечто вроде рассказа в стихах, с современным, даже злободневным фоном взамен романтически-рыцарской бутафории, как бывало в балладах прежних» [2, с. 150]. Появление баллад в творчестве Одоевцевой объясняется влиянием поэзии Гумилева. По мнению Т. Пахарева, «героико-эпическая линия гумилевского историзма, которая в 20-40-х годах породила не только новый пафос деятельно-героического отношения к жизни, но даже на жанровом уровне вызвала всплеск жанра баллады и в творчестве советских романтиков, и в творчестве поэтов гумилевской школы, оказавшихся в «зарубежье» (прежде всего, конечно, речь идет о балладах И. Одоевцевой)» [23, с. 81].

Однако В. Бетаки утверждает, что «Ирина Одоевцева... балладную интонацию, да, впрочем, и сам жанр баллады прямо от Киплинга получила. К тому же еще (чем она и отличается резко от Гумилева), есть у нее совершенно киплингское стремление говорить о повседневности, хотя и придавая ей иногда романтический колорит (как в “Молли Грей”, стилизованной под английские баллады). Но чаще – это все же интонации бытовые, пришедшие прямо из “Казарменных баллад”, как, например, в ее “Балладе об извозчике”... и аналогичная сцена у Райских Врат из “Томплинсона» Киплинга» [14, с. 262]. Благодаря поэзии Одоевцевой и Тихонова, как полагал В. Бетаки, «началось бытование “киплинговской” баллады в России. Но вот Одоевцева, в отличие от Тихонова, английский язык знала хорошо, и по собственным словам “Киплинга читала с раннего детства”» [14, с. 262].

И. Эренбург отмечает, что «баллады Одоевцевой повествуют о реальности происходящей здесь и сейчас... Одоевцева умеет мертвецов рядить в веселые облачения, совсем не музейные трупы, а наши добрые (?) знакомые: комиссар Зон, председатель Домкома Громан и пр... в балладах Одоевцевой... смешливый и трогательный примитив» [29, с. 144].

Нельзя не отметить связь баллад Одоевцевой с творчеством Жуковского. В балладах Жуковского принято выделять несколько типов сюжета: встреча с мертвым женихом («Людмила», «Ленора» и др.), преступление и раскаяние («Суд Божий над епископом», «Покаяние», «Алина и Альсим», «Двенадцать спящих дев» и др.), пророчество («Кассандра», «Ахилл» и др.), животворящая, обреченная любовь («Пустынник», «Алина и Альсим» и др.)⁶. Один из наиболее популярных сюжетов – о борьбе дьявольского за душу героя («Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», «Гаральд», «Лесной царь», «Двенадцать спящих дев», «Доника» и др.).

«Я очень боялась писать “под Ахматову”, которой подражали все женщины-поэты, – писала Одоевцева. – Гумилев ненадолго уехал. К его приезду я написала балладу о “Толченом Стекле”. Оно навеяно Жуковским, но тема подана иначе, для публики 20-го века. Гумилеву баллады мои сперва не нравились, но позднее он их одобрил, и они имели большой успех. Куда бы я ни ходила, напр., на концерты, меня везде просили читать баллады» [4].

Некоторые баллады Одоевцевой написаны в стиле английских и немецких (через переводы и творчество Жуковского) баллад, поэтому читателю представляется весь спектр мистических мотивов: луна, полночь, вороны, гробы, преступления, смерть и т.д. В «Балладе о толченом стекле» Одоевцева использует балладную схему: преступление, раскаяние согрешившего героя, неминуемое наказание.

Однако можно у Одоевцевой увидеть и другой тип баллад – назовем их ироническими «необалладами»⁷. Например, использование классической балладной формы в «Балладе о том, почему испортились в Петрограде водопроводы» наполняет текст новым содержанием, поэтесса прибегает к гротеску и иронии. А само название отсылает к «Балладе, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди» Р. Саути в переводе В.А. Жуковского. Одоевцева в своих балладах наполняет пространство современными бытовыми коллизиями Петербурга. Сочетание комического и иронического модусов, подкрепленное элементами разговорного стиля, изменяет традиционную балладную тональность и, таким образом, отчетливо выступает сатирическое отношение к современности и иронический взгляд на традиционную балладу.

⁶ См. об этом: [25, с. 60].

⁷ См.: [12; 13].

Обыгрывая традиционные жанровые признаки баллады, Одоевцева делает петербургский хронотоп частью балладного мира, соединяет в своих произведениях балладную мистику и мистику «петербургского текста». Балладный мир Одоевцевой – петербургское пространство, основой которого становится двоемирие.

В творчестве Одоевцевой есть «необаллады», ориентированные на английские баллады («Баллада о Роберте Пентегью», «Луна»), городские («Баллада об извозчике», «Баллада о площади Виллет», «Петербургская баллада»), а также баллада-воспоминание о погибшем учителе – «Баллада о Гумилеве»⁸.

В подтексте произведений Одоевцевой лежат баллады эпохи романтизма, однако некоторые признаки жанра «уходят», происходит компенсация за счет других (перегруппировка, переосмысление), что говорит не о разрушении границ, а об их обновлении и расширении. Мистический балладный элемент эпохи романтизма по-новому предстает в творчестве Одоевцевой, где привычная метафизика пережита, а на первый план выходит бытовой мистицизм, преподносимый в ироническом модусе.

Стилизация, присущая всем балладам Г. Иванова («Песня о пирате Оле», «Майская баллада», «Шотландская баллада», «Баллада об издателе») и его балладным стихотворениям, позволяет увидеть жанр в новом аспекте. Поэт соблюдает балладные правила – трагический сюжет, романтические «неясности» повествования, балладные мотивы (зловещий ворон, ночные истории, обращение в прошлое и др.). Однако эти правила нарушены и обыграны. Традиционные балладные сюжеты так усилены, что нагнетание черт создает комический или иронический эффект, многослойной оказывается совокупность мотивов. Г. Иванов создает в некоторых случаях пародийную, в некоторых – стилизованную – балладу. Игра и любовь к стилизации, свойственная Г. Иванову на протяжении его творческой жизни, открывают новый жанр, практически созданный им самим.

Кроме того, поскольку в XX веке жанр «все более вытесняется на периферию художественной целостности произведения, в конце концов – в его ассоциативное поле, и можно говорить о своеобразном жанровом ореоле произведения, воспринимаемом читателем и обусловленном уже не жанровым подражанием автора, а его жанровой памятью» [11, с. 9], то многие тексты Г. Иванова, оставаясь в рамках лирического стихотворения, несут в себе отчетливое балладное начало – как правило, за счет ассоциаций с сюжетами и мотивами классических баллад («У окна», «Осень пришла», «Весенние аккорды», «Песня кружевницы», «Суженый», «Болтовня зазывающего в балаган», «Поблекшим золотом, холодной синевой...», «Видел сон я...», «Однажды под Пасху» и др.)⁹.

Итак, предложим приблизительную классификацию баллад русских акмеистов. Нами выбраны поэты, представляющие направление достаточно полно, хотя, конечно, их творчество было рассмотрено не только в рамках Серебряного века. Баллады Н. Гумилева, А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Кузмина, И. Одоевцевой, Г. Иванова и Вс. Рождественского послужили материалом данного исследования. В подборке представлены как «чистые» баллады, так и стихотворения балладного типа, в которых отчетливо проступают «балладные» мотивы и образы.

1. Фантастические/мистические баллады

Николай Гумилев

Двоемирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие: «Баллада» («Пять коней подарил мне мой друг Люцифер...»), «Венеция», «Всадник», «Утешение», «Евангелическая церковь», «Заблудившийся трамвай», «У цыган», «Паломник», «Пещера сна», «Ужас», «Орел», «Возвращение», «Память»

Смерть героя/поэта/музыканта/властителя/укротителя/влюбленного: «Молодой францисканец», «Оссиан», «Песня о певце и короле», «По стенам опустевшего дома...», «Орел», «Сон Адама», «Укротитель зверей», «Цепи башен...», «Волшебная скрипка», «Поединок», «Перстень» (мена: перстень вместо жениха)

Властитель, сеющий смерть: «Песня о певце и короле», «Дева солнца», «1905, 17 октября», «Царь, упившийся кипрским вином...»

⁸ «Мемуарная» «Баллада о Гумилеве» отличается тем, что не имеет фантастических образов, той балладной интонации ужаса, это просто рассказ о жизни поэта – учителя Одоевцевой.

⁹ Подробно о балладах Г. Иванова см.: [17].

Невеста-жертва/гибель девы/царицы: «Осенняя песня», «Невеста льва», «На горах розовеют снега...», «Неслышный, мелкий падал дождь...», «Дездемона», «Старая дева», «Змей», «Дева-птица»
Жертва-жених/убитый брат/жертва-ребенок: «Перстень», «Маргарита», «1905, 17 октября»
Самоубийство: «Самоубийство»
Убийство из мести: «Загробное мщение»
Смерть как жуткая вечность/страшный иной мир/«тайны гроба»: «За гробом», «Загробное мщение»
Смерть от любви/от руки возлюбленной, смерть как возлюбленная: «Сказка о королях», «Умный дьявол», «Смерть» («Нежной, бледной, в пепельной одежде...»), «Мне снилось: мы умерли оба...», «Поединок», «Отравленный»
Жуткие существа/животные (иногда полулюди-полузвери), которые приходят к ребенку или встречаются на пути героев, чтобы погубить их: «Крыса», «Гиена», «Ужас», «Птица», «Змей»
Удивительные Небесные существа/сущности, обладающие силой и властью: «Рассвет», «В небесах», «Дамара (Готентотская космогония)», «Звездный ужас»
Необъяснимое исчезновение героя (уход в иной мир): «Леонард»
Полное подчинение героя женщине/царице: «Заклинание», «Юный маг в пурпуровом хитоне...», «Маскарад», «Царица»
Гибнущий корабль: «Корабль» (мотив)
Сюжет о Летучем Голландце: «Заблудившийся трамвай» (мотив), «Капитаны» (мотив)
Мистический предмет, убивающий героя: «Камень»
Убийство брата героини ее женихом (вариация на тему «Фауста»): «Маргарита»
Сон о смерти влюбленных: «Мне снилось»
Неравная/несостоявшаяся любовь: «Принцесса»
Дьявольское обольщение героини: «Влюбленная в дьявола»
Победа над чудовищем/победы чудовищ: «Неоромантическая сказка», «Сказка»
Гибель друга: «Товарищ»
Чудесное исцеление: «Видение»

Анна Ахматова

Сюжет о мертвом женихе/умирающий возлюбленный/убийство жениха, возлюбленного: «Сероглазый король», «Новогодняя баллада», «В лесу», «Высокие своды костела...», «Я не знаю, ты жив или умер...» (мотив), «О нет, я не тебя любила...», «На пороге белом рая...», «Клеопатра» (мотив)
Сюжет о мертвой невесте: «Милому», «Мне больше ног моих не надо...», «Отрывок» (мотив), «Умирая, томлюсь о бессмертье...», «Я пришла тебя сменить, сестра...», «Как невеста, получаю...», «Вижу, вижу лунный лук...», «Слух чудовищный бродит по городу...» (смерть героини сказки), «Клеопатра» (ожидание смерти), «Так отлетают темные души...» (ожидание смерти)
Встреча мертвецов, шествие призраков, героиня рядом с призраками: «Новогодняя баллада», «Летний сад», «Заболеть бы как следует, в жгучем бреду...», «Я над ними склонюсь, как над чашей...» (мотив), «Поздний ответ» («Невидимка, двойник, перемешник...»), «Нас четверо» («...И отступилась я здесь от всего...») (мотив), «Из цикла “Ташкентские страницы”» (мотив)
Убийство жениха героини ее старшим братом: «В лесу»
Героиня превращается в русалку: «Мне больше ног моих не надо...»
Встреча с возлюбленным во сне: «Сон» (1915), «Подражание корейскому», «Из цикла “Ташкентские страницы”» (мотив), «Через 23 года»
Превращение героини/героя в статую/камень, мотивы двойничества: «В Царском селе» («А там мой мраморный двойник...») (мотив), «Как белый камень в глубине колодца...»
Возращение убитого ребенка: «Памяти Вали» («Постучись кулачком – я открою...»)
Балладные мотивы в «Поэме без героя»: сюжет о мертвом женихе; сюжет о мертвой невесте; встреча мертвецов; шествие призраков, теней; пляски мертвецов, демонов; свадьба, оборачивающаяся похоронами; полет ведьмы в ночном небе, оживший портрет.

Осип Мандельштам

Сюжет о мертвой невесте: «Соломинка» (мотив), «Стихи к Н. Штемпель» (мотив)
Смерть поэта/поэтов: «В Петрополе прозрачном мы умрем...» (мотив), «Неправда» (ожидание смерти – мотив), «Заблудился я в небе – что делать?» (ожидание смерти – мотив)

Двоемирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие: «Мега-ном» («Еще далеко асфodelей...») (мотив), «Когда Психея-жизнь спускается к теням...», «Ласточка» («Я слово позабыл, что я хотел сказать...») (мотив), «Заблудился я в небе – что делать?», «Чтоб, приятель и ветра и капель...» (мотив), «Я знаю, что обман в видении немислим...» (мотив)

Гибель города: «На страшной высоте блуждающий огонь!», «Венецейская жизнь» (мотив), «За то, что я руки твои не сумел удержать...» (мотив)

Гибель друга – пророчество поэта: «От легкой жизни мы сошли с ума...» (мотив)

Михаил Кузмин

Сюжет о мертвом женихе/убитый герой: «Форель разбивает лед» («Шестой удар»), «Утро» (мотив), «Геро»

Двоемирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие: «Взойдя на ближнюю ступень...»

Сюжет о покорении женщины/полное подчинение героя женщине/безответная любовь: «Их было четверо в этот месяц...»

Любовное свидание: «Александрйские песни» («Не знаю, как это случилось...»)

Смерть героя/старика/влюбленного: «Александрйские песни» («Сладко умереть...»)

Явление вестника: «Осенний май» («Трижды в темный склеп страстей томящих...»)

Смерть поэта: «Я знаю, я буду убит...», «Смерть»

Сон о смерти возлюбленного: «Не правда ль, мальчик, то был сон...»

Сюжет о раскаявшемся грешнике: «О разбойнике»

Ирина Одоевцева

Преступление героя, которое наказывается демоническими силами: «Баллада о толченом стекле»

Жизнь и смерть поэта/героя/путешественника: «Баллада о Гумилеве»

Встреча могильщика с нечистой силой: «Баллада о Роберте Пенгеью»

Отрубленная голова: «Вот палач отрубил мне голову...»

Русалка, другие героини баллад (Ленора, Людмила): «Подушка, тетрадь, чернила...»

Мотивы зеркала, месяца, сна, отражений, образы ворон, коней: «Началось. И теперь опять...» (мотив)

Воскресение мертвого возлюбленного: «Скользит слеза из-под усталых век...» (мотив)

Превращение героини в статую: «Он сказал: – Прощайте, дорогая...»

Георгий Иванов

Гибнущий корабль, сюжет о Летучем Голландце: «Песня о пирате Оле. Развинченная баллада»

Побег с мертвым женихом: «Шотландская баллада»

Ночные видения принцессы: «Майская баллада»

Ночной побег с королевной/призрак коня/растаявший сон: «У окна»

Мертвая героиня: «Осень пришла» (мотив)

Страх перед Водяным: «Весенние аккорды» (мотив)

Сюжет о мертвом женихе/жених, убитый на войне: «Песня кружевницы»

Крещенское гадание на возвращение жениха/мотивы луны, зеркала, черного ворона/домовой: «Суженый»

Двоемирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие/через сон: «Поблекшим золотом, холодной синевою...», «Видел сон я...»

Чудесное рождение вора, ставшего ангелом: «Однажды под Пасху мальчик...»

Всеволод Рождественский

Двоемирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие: «Баллада», «В этом слишком лондонском тумане...»

Путь к раю: «Не был он прекрасным и крылатым...»

Пленение пиратами: «На палубе разбойничьего брига...»

Погубленный «русалкой»: «Не буди, надо мной вода...» (мотив)

Гибнущий корабль, утопленный герой: «Скользкий камень, а не пески...»

2. Новеллистические баллады

Николай Гумилев

Смерть поэта/героя/влюбленного: «Рабочий», «Смерть» («Есть так много жизней достойных...»), «Отравленный»

Герой проигрывает и все теряет: «Крест»

Сюжет о покорении женщины: «У камина»

Анна Ахматова

Сюжет о мертвом женихе/умирающий возлюбленный/убийство жениха, возлюбленного: «Бесшумно ходили по дому...», «Высокие своды костела...», «Я не знаю, ты жив или умер...» (мотив), «О нет, я не тебя любила...», «И вот одна осталась я...», «За озером луна остановилась...» (мотив), «Я гибель накликала милым...» (мотив)

Сюжет о мертвой невесте: «Умирая, томлюсь о бессмертье...», «Как невеста, получаю...», «От любви твоей загадочной...» (ожидание смерти), «Сказал, что у меня соперниц нет...», «Третий Зачатьевский» (ожидание смерти), «Страх, во тьме перебирая вещи...» (мотив), «Пусть голоса органа снова грянут...» (мотив: ожидание новой жизни), «Клеопатра» (ожидание смерти), «Так отлетают темные души...» (ожидание смерти)

Расставание с любимым/брошенная героиня: «Песня последней встречи»

Возвращение жениха: «Ждала его напрасно много лет...»

Встреча с возлюбленным во сне: «Ты мог бы мне сниться и реже...», «Во сне», «Сон» (1956) (мотив)

Превращение героини/героя в статую/камень, мотивы двойничества: «Царскосельская статуя» (мотив), «Земная слава как дым...»

Михаил Кузмин

Сюжет о покорении женщины/полное подчинение героя женщине/безответная любовь: «Их было четверо в этот месяц...»

Любовное свидание: «Александрйские песни» («Не знаю, как это случилось...»)

Смерть героя/старика/влюбленного: «Александрйские песни» («Сладко умереть...»)

Осип Мандельштам

Страх и одиночество героя в толпе: «Золотой»

Смерть поэта/поэтов/музыканта: «Ленинград» (ожидание смерти – мотив), «Помоги, Господь, эту ночь прожить» (ожидание смерти – мотив), «Жил Александр Герцевич...», «Сохрани мою речь навсегда...» (ожидание смерти – мотив)

Двоемирие, реализующееся через таинственное путешествие в иной мир/инобытие: «Концерт на вокзале» (мотив), «За гремучую доблесть грядущих веков...» (мечта об уходе в другой мир – мотив), «На высоком перевале» («Фаэтонщик»), «Ламарк»¹⁰

3. Исторические баллады

Николай Гумилев

Смерть героя: «Старый конквистадор», «Ольга» (мотив), «Воин Агамемнона»

Невеста-жертва/гибель девы: «Константинополь», «Царица»

Смерть от любви/от руки возлюбленной: «Анна Комнена»

Жестокие завоеватели и встречающая их императрица: «Варвары»

Пленение пиратами: «Помпей у пиратов»

Создание великого города: «Основатели»

¹⁰ См.: [10].

4. Экзотические баллады

Николай Гумилев

Гибель в страшном экзотическом пространстве: «Ягуар» (лирический герой «превращен» в зверя, помещен в чуждый мир), «Экваториальный лес», «Лес», «У цыган» (мотив), «Звездный ужас»
Убийство из мести: «Леопард», «Абиссинские песни» («Пять быков», «Невольничья»)
Смерть от любви/от руки возлюбленной «Озеро Чад»
Смерть героя/властителя: «Сомали», «Замбези», «Дагомей», «Абиссинские песни» («Военная»)
Тщетный путь за мечтой/красотой: «Абиссинские песни» («Занзибарские девушки»)
Удивительные Небесные существа, обладающие силой и властью: «Дамара (Готентотская космогония)»

5. Ироническая небаллада

Ирина Одоевцева

Гибель героев на службе государству/гибель коня/путь в рай: «Баллада об извозчике»
Сюжет о мертвом возлюбленном, столкновение с нечистой силой: «Баллада о том, почему испортились в Петрограде водопроводы»

Георгий Иванов

Гибель поэтов (перенос издательства в рай): «Баллада об издателе»

6. Медитация о жанре баллады

Осип Мандельштам

Лесной царь, воспоминание о страшных сказках: «В тот вечер не гудел стрелчатый лес органа...» (мотив)
Переживание «страшных» сюжетов Э. По: «Мы напряженного молчанья не выносим...»
Воспоминания о старинных сюжетах – подтексте современных: «Я не слышал рассказов Оссиана...»

Всеволод Рождественский

Воспоминания о балладах В. Скотта: «Пламенеющие клены...»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989. С. 3-25.
2. Адамович Г. Наши поэты // Новый журнал. Десятнадцатый год издания. Нью-Йорк. Кн. 61. 1960. С. 147-153.
3. Бобрицких Л.Я. «Без боя взятый в плен...»: Трагедия любви в балладах Н. Гумилева // Подъем. Воронеж, 2004. № 9. С. 149-169.
4. Богомолов Н. А. После серебряного века: документы и реконструкции. Проект «Акмеизм» // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz-pr.html>
5. Боровская А.А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Астрахань, 2009. 527 с.
6. Боровская А.А. Эволюция жанровых форм в русской поэзии первой трети XX в. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2009. 260 с.
7. Геллер Л. К описанию экзотизмов. Предложения // Филологические записки. Воронеж: ВГУ, 2008. Вып. 27. С. 5-31.
8. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии / подг. текста и комм. Р.Д. Тищенко. М.: Современник, 1990. 384 с.
9. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. 408 с.
10. Жолковский А.К. Еще раз о мандельштамовском «Ламарке»: Так как же он сделан? // Вопросы литературы. 2000. № 2. С. 150-182.
11. Иванов Б. П. К проблеме теоретической истории жанра // Автор. Жанр. Сюжет. Калининград: КГУ, 1991. С. 3-10.

12. Ильясова А.А. «Баллада о толченом стекле» И. Одоевцевой: игра с жанровыми канонами // *European Social Science Journal*. 2013. № 12-1 (39). С. 167-171.
13. Ильясова А.А. «Необаллады» И. Одоевцевой // *Кормановские чтения. Статьи и материалы*. Редактор и составитель Д. И. Черашняя. Ижевск, 2014. С.153-158.
14. Киплинг Р. Избранные стихи из всех книг. Сост., ред. новых переводов послесл. и прим. В. Бетаки. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. 331 с.
15. Киришбаум Г. «Валгаллы белое вино...» Немецкая тема в поэзии О. Манделъштама. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
16. Куликова Е.Ю. «Заблудившийся трамвай» и корабли-призраки // *Филологический класс*. 2009. № 22. С. 51-57.
17. Куликова Е.Ю. «И снова скальд чужую песню сложит...»: «морские», «шотландские», «майские» и другие балладные стилизации Георгия Иванова // *Гуманитарный вектор*. 2020. Т. 15, № 5. С. 16–27.
18. Куликова Е.Ю. Немецкое и французское в балладном "сне" Осипа Манделъштама ("На высоком перевале...") // *Сибирский филологический журнал*. 2019. № 3. С. 121-130.
19. Куликова Е.Ю. О балладном прочтении ахматовского «В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...» («Из цикла "Ташкентские страницы"») // *Филологический класс*. 2019. № 3 (57). С. 29-34.
20. Куликова Е. Ю. Сюрреалистическое пространство баллады Николая Гумилева "У цыган" // *Сибирский филологический журнал*. 2020. № 2. С. 72-81.
21. Мерилай А. Эстонская баллада 1900-1940. автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Тарту: Тарт. ун-т, 1989. 20 с.
22. Мерилай А. Вопросы теории баллады. Балладность // *Ученые записки Тартуского университета. Поэтика жанра и образа. Труды по метрике и поэтике*. Вып. 879. 1990. С. 3-21.
23. Пахарева Т. А. Акмеистические тенденции в русской поэзии последних десятилетий XX – начала XXI в. Дисс. на соиск. уч.ст. докт. филол. наук. Киев, 2005. 420 с.
24. Поляков М. Цена пророчества и бунта (О поэзии XIX века): Проблемы поэтики и истории литературы. М.: Сов. писатель, 1975. 567 с.
25. Поплавская И.А. Диалог поэзии и прозы в сборнике В.А. Жуковского «Баллады и повести» (Статья первая) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. № 2 (6). 2009. С. 59-77.
26. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. 176 с.
27. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 567 с.
28. Шеффер Ж.-М. Что такое литературный жанр. М.: Едиториал УРСС, 2010. 192 с.
29. Эренбург И.Г. Портреты русских поэтов. Л.: РАН и изд. «Наука», 2002. 352 с.

Поступила в редакцию 11.11.2020

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор
Институт филологии СО РАН
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Академика Николаева, 8
Новосибирский государственный педагогический университет
630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
E-mail: kulis@mail.ru

E.Yu. Kulikova

PLOT-MOTIVE COMPLEXES OF THE ACMEISM BALLAD

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-551-563

The plot-motive complexes of the acmeism ballad are considered: the classification of ballad plots and motives is presented, several groups of "acmeistic" ballads are distinguished – fantastic, novelistic, exotic, historical and some others. Ballad motives and plots are processed by the Acmeists in accordance with their creative "code". The Acmeists' ballads reveal a part of the poetic world of the Silver Age, carrying both the traditional elements of the genre and the features of modernism. The transformation of the ballad in N. Gumilev, A. Akhmatova, M. Kuzmin, I. Odoevtseva, G. Ivanov, Vs. Rozhdestvensky and O. Mandelstam's work demonstrates the features of the Acmeists' poetic relief. For the classification, there were chosen the poets' poems which represent the direction quite fully, although their work was considered not only within the framework of the Silver Age. The selection contains both «pure» ballads and ballad-type poems, in which «ballad» motives and images are clearly visible.

Keywords: ballad, balladry, acmeism, motive, plot, plot-motive complex.

REFERENCES

1. Averincev S.S. Zhanr kak abstrakciya i zhanry kak real'nost': dialektika zamknutosti i razomknutosti [Genre as an abstraction and genres as reality: the dialectic of isolation and openness]. Vzaimosvyaz' i vzaimovliyanie zhanrov v razvitii antichnoj literatury [Interrelation and interdependence of genres in the development of antique literature]. Moscow, 1989, pp. 3-25. (In Russian).
2. Adamovich G. Nashi poety [Our poets]. Novyj zhurnal. Devyatnadcatyj god izdaniya [New magazine. Nineteenth year of publication]. New York, 1960, kn. 61, pp. C.147-153. (In Russian).
3. Bobrickih L.Ya. «Bez boya vzyatyj v plen...»: Tragediya lyubvi v balladah N. Gumileva ["Captured Without a Fight ...": The Tragedy of Love in N. Gumilyov's Ballads]. Pod'em [Rise]. Voronezh, 2004, no. 9, pp. 149-169. (In Russian).
4. Bogomolov N.A. Posle serebryanogo veka: dokumenty i rekonstrukcii. Proekt «Akmeizm» [After the Silver Age: Documents and Reconstructions. Project "Acmeism"]. Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]. 2002, no. 58. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz-pr.html> (In Russian).
5. Borovskaya A.A. Zhanrovye transformacii v russkoj poezii pervoj treti XX veka [Genre transformations in Russian poetry of the first third of the twentieth century]. Avtoref. dis. na soisk. uchen. step. d-ra filol. nauk. Astrahan', 2009, 527 p. (In Russian).
6. Borovskaya A. A. Evolyuciya zhanrovyh form v russkoj poezii pervoj treti XX v. [The evolution of genre forms in Russian poetry of the first third of the twentieth century]. Astrakhan', Izd. dom «Astrakhanskiy universitet», 2009. 260 p. (In Russian).
7. Geller L.K. opisaniyu ekzotizmov. Predlozheniya [To the description of exoticisms. Proposals]. Filologicheskie zapiski [Philological notes]. Voronezh, VGU, 2008, no. 27, pp. 5-31. (In Russian).
8. Gumilev N.S. Pis'ma o russkoj poezii. Podg. teksta i komm. R. D. Timenchika. [Letters on Russian poetry]. Moscow, 1990, 384 p. (In Russian).
9. Zhirmunskij V.M. Teoriya literatury. Poetika. Stilistika [Literature theory. Poetics. Stylistics]. Leningrad, 1977, 408 p. (In Russian).
10. Zholkovskij A.K. Eshche raz o mandel'shtamovskom «Lamarke»: Tak kak zhe on sdelan? [Once again about Mandelstam's "Lamarck": So how is it made?]. Voprosy literatury [Literature issues]. 2000, no. 2, pp. 150-182. (In Russian).
11. Ivanyuk B.P. K probleme teoreticheskoj istorii zhanra. [To the problem of the theoretical history of the genre]. Avtor. Zhanr. Syuzhet. [Author. Genre. Plot], Kaliningrad, KGU Publ., 1991, pp. 3-10. (In Russian).
12. Il'yasova A.A. «Ballada o tolchenom stekle» I. Odoevcevoj: igra s zhanrovymi kanonami ["Ballad about crushed glass" by I. Odoevtseva: a game with genre canons]. European Social Science Journal. 2013, no. 12-1 (39), pp. 167-171. (In Russian).
13. Il'yasova A.A. «Neoballady» I. Odoevcevoj ["Neoballads" by I. Odoevtseva]. Kormanovskie chteniya. Stat'i i materialy [Kormanovskie readings. Articles and materials]. Redaktor i sostavitel' D. I. CHERashnyaya. Izhevsk, 2014, pp.153-158. (In Russian).
14. Kipling R. Izbrannye stihi iz vsekh knig [Selected poems from all books]. Sost., red. novyh perevodov poslesl. i prim. V. Betaki. B.m.: Salamandra P.V.V., 2011, 331 p. (In Russian).
15. Kirshbaum G. «Valgally beloe vino...» Nemeckaya tema v poezii O.Mandel'shtama [«White wine of Valhalla». German theme in the poetry of O. Mandelstam]. Moscow, NLO Publ., 2010, 392 p. (In Russian).
16. Kulikova E.Yu. «Zabludivshijsya tramvaj» i korabli-prizraki ["Lost tram" and ghost ships]. Filologicheskij klass [Philological class]. 2009, no. 22, pp. 51-57. (In Russian).
17. Kulikova E.Yu. «I snova skal'd chuzhuyu pesnyu slozhit...»: «morskie», «shotlandskie», «majskie» i drugie balladnye stilizacii Georgiya Ivanova [“And again, the skald will add someone else’s song ...”: "Marine", "Scottish", "May" and others ballad stylization of George Ivanov]. Gumanitarnyj vector [Humanitarian vector]. 2020, t. 15, no. 5, pp. 16–27. (In Russian).
18. Kulikova E.Yu. Nemeckoe i francuzskoe v balladnom "sne" Osipa Mandel'shtama ("Na vysokom perevale...") [German and French in the ballad "dream" of Osip Mandelstam ("On a high pass ...")]. Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. 2019, no. 3, pp. 121-130. (In Russian).
19. Kulikova E.Yu. O balladnom prochtenii ahmatovskogo «V tu noch' my soshli drug ot druga s uma...» («Iz cikla „Tashkentskie stranicy“») [About a ballad reading of Akhmatov's "That night we went crazy apart ..." ("From the series" Tashkent Pages ")]. Filologicheskij klass [Philological class]. 2019, no. 3 (57), pp. 29–34. (In Russian).
20. Kulikova E.Yu. Syurrealisticheskoe prostranstvo ballady Nikolaya Gumileva "U cygan" [Surrealistic space of Nikolai Gumilyov's ballad "At the Gypsies"]. Sibirskij filologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Philology]. 2020, no. 2, pp. 72-81. (In Russian).
21. Merilaj A. Estonskaya ballada 1900-1940 [Estonian ballad 1900-1940]. Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03. Tart. un-t, Tartu, 1989, 20 p. (In Russian).
22. Merilaj A. Voprosy teorii ballady. Balladnost' [Ballad theory questions. Ballad]. Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Poetika zhanra i obraza. Trudy po metrike i poetike. [Scien-

- tific Notes of the University of Tartu. Poetics of genre and image. Works on metrics and poetics]. 1990, no. 879, pp. 3-21. (In Russian).
24. Pahareva T.A. Akmeisticheskie tendencii v russkoj poezii poslednih desyatiletij HKH – nachala XXI v. [Acmeistic tendencies in Russian poetry of the last decades of the 20th – beginning of the 21st century]: Dis... d-ra filol. nauk, Kiev, Kievskiy natsional'nyy un-t im. Tarasa Shevchenko Publ., 2005, 420 p. (In Russian).
 25. Polyakov M. Cena prorochestva i bunta (O poezii XIX veka): Problemy poetiki i istorii literatury [The Price of Prophecy and Rebellion (On the Poetry of the 19th Century): Problems of Poetics and Literary History]. Moscow, Sov. pisatel', 1975, 567 p. (In Russian).
 26. Poplavskaya I.A. Dialog poezii i prozy v sbornike V.A. Zhukovskogo «Ballady i povesti» (Stat'ya pervaya) [Dialogue of poetry and prose in V.A. Zhukovsky's collection "Ballads and Stories" (Article One)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2009, no. 2 (6), pp. 59-77. (In Russian).
 27. Tynyanov Yu.N. Problema stihotvornogo yazyka [The problem of poetic language]. Leningrad, 1924, 176 p. (In Russian).
 28. Tynyanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino. [Poetics. Literary history. Movie], Moscow, Nauka Publ., 1977, 567 p. (In Russian).
 29. Sheffer Zh.-M. Chto takoe literaturnyj zhanr [What is the literary genre]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2010, 192 p. (In Russian).
 30. Erenburg I.G. Portrety russkih poetov [Portraits of Russian poets]. Leningrad, RAN i izd. «Nauka», 2002, pp. 144. (In Russian).

Received 11.11.2020

Kulikova E.Yu., Doctor of Philology, Leading Researcher, Professor
Institute of Philology SB RAS
Academika Nikolaeva st., 8, 630090
Novosibirsk State Pedagogical University
Vilyuiskaya st., 28, Novosibirsk, Russia, 630126
E-mail: kulis@mail.ru